

Бульон остыть не успел, но сегодня повара приготовили уху из карасей. Цзянь Сунъи её терпеть не мог, а потому лишь лениво ковырял ложкой в термосе. Половина класса исходила слюной от аппетитного аромата, сам же юноша сидел с таким лицом, словно готовился к смертной казни.

Бо Хуай не выдержал этого унылого зрелища. Сняв очки, он устало потер переносицу:

— Теперь понятно, почему ты в свои почтенные годы совсем не растешь.

Семнадцатилетний Цзянь Сунъи со своими ста восемьдесятю тремя сантиметрами роста лишился дара речи.

Остальные одноклассники, не дотянувшие и до этой планки, приуныли еще сильнее.

Цзянь Сунъи с размаху бросил ложку:

— И зачем мне расти дальше? Небо головой подпираешь?

— Тётушка Тан считает, что ты слишком тощий, и попросила приготовить это специально для тебя. Из-за твоей нелюбви к кинзе и сельдерею поварам пришлось знатно повозиться, чтобы перебить рыбный запах.

Бо Хуай без труда нащупал его уязвимое место.

И это сработало. Морщась от неохоты, Цзянь Сунъи все же взялся за ложку и, затаив дыхание, принялся неторопливо хлебать уху.

В разгар трапезы к ним подошел староста класса, Ян Юэ. Он явно хотел что-то сказать, но, натолкнувшись на холодный, предостерегающий взгляд Бо Хуая, благоразумно прикусил язык. Староста безропотно простоял в сторонке, дожидаясь, пока молодой господин допьет всё до последней капли, и лишь тогда подал голос:

— Старина Бай и старина Пэн вызывают вас в кабинет завуча. Требуют явиться в течение трех минут, иначе наказание удвоится.

Цзянь Сунъи оторвался от миски:

— И долго ты тут торчишь?

— Минут семь-восемь.

Цзянь Сунъи усмехнулся:

— Издеваешься надо мной, что ли?

— Да бог с тобой, брат Сун, при чем тут я? — запричитал Ян Юэ с обиженным видом. — Ты же так увлеченно трапезничал!

Староста многозначительно покосился на Бо Хуая, отчаянно указывая на истинного виновника своей заминки.

Бо Хуай с самым невозмутимым видом продолжал решать физику:

— Всё равно уже опоздали. Доедай и фрукты тоже.

— Ладно.

Цзянь Сунъи послушно потянулся к контейнеру с фруктами и снял крышку.

Ян Юэ уныло вздохнул. В такие минуты он остро ощущал, что его авторитет как старосты класса стремится к абсолютному нулю.

Он прочистил горло, пытаясь вернуть голосу строгость:

— Брат Сун, ну серьезно, так нельзя. Старина Бай и старина Пэн в этот раз не на шутку разъярились. В кабинете сейчас яблоку негде упасть от старшеклассников, а атмосфера гнетущая, будто в морге. Не злите их еще сильнее...

— Черешня сегодня отличная. Будешь? — прервал его Цзянь Сунъи, протягивая ягоду.

— О, давай! Спасибо, брат Сун. А можно еще парочку?

Когда Цзянь Сунъи и Бо Хуай наконец соизволили явиться в учительскую, завуч Пэн Минхун и классный руководитель Бай Пиншань уже всюю распекали десяток рослых Альф, брызжа слюной от негодования.

На их лицах читалась такая вселенская скорбь, словно у них под покровом ночи обокрали любимый огород.

А при виде вошедших Цзянь Сунъи и Бо Хуая завуч окончательно помрачнел — стало ясно, что от огорода не осталось даже сорняков.

Старина Бай держался молодцом, сохраняя привычное олимпийское спокойствие.

А вот Пэн Минхуну хладнокровия явно не доставало. Мало того что у бедняги начался преждевременный мужской климакс, так его еще и угораздило взвалить на себя руководство выпускными классами.

Учебный год еще формально не начался, всё руководство школы разъехалось, и разгребать все проблемы приходилось ему одному. Случись что — отвечать тоже ему, головой.

А ведь он рассчитывал после этого выпуска пойти на повышение и занять кресло вице-директора!

Нервно пригладив свои изрядно поредевшие волосы, завуч ткнул пальцем в сторону опоздавших:

— Живо явиться в течение трех минут, было сказано! И сколько времени прошло?!

Цзянь Сунъи сверился с часами:

— Минут пятнадцать, плюс-минус.

— Я тебя об этом спрашивал?! — взвился Пэн Минхун. — Цзянь Сунъи, не думай, что отличные оценки дают тебе право творить всё, что вздумается! Вы в выпускном классе! Одно дисциплинарное взыскание — и прощай досрочное зачисление, прощай олимпиады, прощай льготы! Всё коту под хвост! Вы это понимаете или нет?!

— Понятно, — безучастно отозвался Цзянь Сунъи.

— Что значит «понятно»?! Ты вообще осознаешь всю серьезность положения? Или Бэйчэнский и Хуацинский университеты тебе больше не интересны?!

— Ну почему же, интересны. Просто мне не нужны льготы и направления, чтобы туда поступить, я и по баллам спокойно пройду. Так что не переживайте вы так, поберегите нервы.

Сказано это было вежливо и даже заботливо, но почему-то у Пэн Минхуна от этих слов дернулся глаз.

Воздух со свистом застрял в бронхах несчастного завуча, лицо его пошло багровыми пятнами,

и, предвидя скорый апоплексический удар коллеги, старина Бай поспешил вмешаться:

— Ладно-ладно, успокойтесь. На самом деле мы вызвали вас лишь для проформы. Хуанфу И уже признался, что зачинщиками драки были они. Однако правила есть правила: один из вас полез с кулаками, а второй устроил ментальную атаку феромонами в общественном месте. Вы оба нарушили устав школы, так что без дисциплинарных мер не обойтись. Надеюсь на ваше понимание.

Цзянь Сунъи снисходительно кивнул:

— Да без проблем, я не злопамятный.

Бо Хуай поддержал:

— Я тоже переживу.

Остальные соучастники потасовки покосились на них с немим укором. «Какая поразительная наглость!» — читалось в их взглядах.

Впрочем, с такой успеваемостью и влиятельными семьями за спиной им действительно нечего было бояться. Неудивительно, что учителя готовы были закрыть глаза на любые их проделки.

Но старина Бай вовремя вспомнил о педагогической этике и выпрямился, излучая строгую справедливость:

— Но не думайте, что вам всё сойдет с рук! Мы с господином Пэном посоветовались и решили подойти к вопросу непредвзято. Наказание понесут абсолютно все участники сегодняшнего инцидента. Каждому из вас будет вынесено строгое предупреждение!

Ученики приуныли. Если не избавиться от этого выговора в личном деле до выпуска, о льготном поступлении и тем более об учебе за границей можно смело забыть.

— Но... — старина Бай выдержал драматическую паузу, наслаждаясь эффектом, — учитывая, что вы сами явились с повинной и раскаялись, а также беря во внимание важность выпускного года, администрация школы готова пойти навстречу вашему будущему.

В глазах провинившихся затеплился робкий огонек надежды.

— На носу совместный экзамен пяти школ. Те из вас, кто по его результатам войдет в первую сотню общего рейтинга, отделаются легким испугом — предупреждение мы заменим на простое устное порицание. Ну а те, кто не дотянет... пеняйте на себя.

У восьмерых оболтусов из международного класса земля ушла из-под ног. В этот раз их тоже обязали сдавать общий экзамен. Конкурировать предстояло с тремя-четырьмя тысячами сверстников со всего города. Требовать от них войти в топ-100 было всё равно что приговорить к расстрелу.

Словно опасаясь, что нарушители из других классов сочтут такое решение поблажкой, старина Бай напустил на себя максимально грозный вид и зыркнул на своих учеников:

— И последнее! Цзянь Сунъи, Бо Хуай! К вам, как к ученикам первого класса, у меня особые требования. Поблажек не ждите. Если остальным достаточно войти в сотню лучших, то вы оба обязаны занять места в первой пятерке общего рейтинга!

— Идет, — так же небрежно бросил Цзянь Сунъи.

Он хотя бы удостоил учителя ответом. Бо Хуай же весь этот разговор простоял молчаливым изваянием с настолько величественным и невозмутимым лицом, что посторонний человек легко мог бы принять его за директора школы.

Хуанфу И и его банда окончательно приуныли, чувствуя себя глубоко оскорбленными в лучших чувствах. Наконец заводила не выдержал и буркнул:

— Учитель, ну это же неприкрытый фаворитизм. Вы слишком потакаете Цзянь Сунъи.

Цзянь Сунъи согласно закивал:

— Полностью солидарен. Учитель, вы ко мне излишне добры. Поэтому я предлагаю восстановить справедливость и поменяться наказаниями с господином Железным Быком.

Хуанфу И поперхнулся воздухом. Идея так себе — у него явно не хватило бы душевных сил оценить столь сокрушительное благородство.

— Цзянь Сунъи, прекрати давать глупые прозвища одноклассникам, — беззлобно пожурил его старина Бай.

Витавший где-то в своих мыслях Бо Хуай вдруг оживился. Он слегка повернул голову к другу и с самым серьезным видом уточнил:

— Погоди, так Железный Бык — это не его настоящее имя?

Цзянь Сунъи на мгновение задумался, а затем уверенно кивнул:

— Конечно, настоящее. Другого я у него сроду не припомню.

Хуанфу И закатил глаза к потолку, мысленно молясь о пощаде.

Опасаясь, что бедного парня хватит удар прямо в учительской, старина Бай поспешил замахать руками:

— Всё, довольно балагана. Возвращайтесь в классы на самоподготовку. Учеба прежде всего.

Ученики первого и второго классов весело поспешили к выходу. Зато ребята из международного отделения уныло брели следом, тоскливо поглядывая в окно.

Какая чудесная сегодня луна. Самое то, чтобы получить дома нагоняй от родителей.

По дороге домой Цзянь Сунъи мгновенно сморило в машине.

Бо Хуай сидел по другую сторону заднего сиденья и в тусклом, теплом свете салонного фонаря разглядывал хрупкий силуэт дремлющего юноши.

Судя по его наблюдениям, начало вторичного разделения проявлялось у Цзянь Сунъи в основном сильной сонливостью, упадком сил, вялостью и повышенной чувствительностью к боли.

Сам Бо Хуай переносил этот период совершенно иначе.

Насколько ему было известно, большинство Альф во время созревания становились раздражительными, вспыльчивыми и агрессивными, одержимыми жаждой выплеснуть скопившуюся первобытную силу. Подобная болезненная слабость была огромной редкостью.

Должно быть, дело в запоздалом развитии — отсюда и сбой в организме. Сейчас ему требовались бережный уход и полноценный покой.

Машина затормозила перед воротами особняка в районе особняков. Юноши вышли на улицу, собираясь разойтись по домам.

Бо Хуай окликнул друга:

— Тебе стоит взять освобождение на пару дней. Или попросить тётушку Тан вернуться пораньше.

Цзянь Сунъи обернулся, недоумевающе изогнув бровь:

— Зачем это?

Бо Хуай на мгновение лишился дара речи. Поразительно: в учебе этот парень соображал быстрее компьютера, но в житейских вопросах порой вел себя как круглый дурак.

Пришлось объяснять терпеливо, как маленькому:

— Ты действительно до сих пор не понял, что у тебя начался период созревания?

— Вот оно что... — протянул Цзянь Сунъи. — То-то я чувствую, что в последнее время со мной творится какая-то чертовщина.

Бо Хуай мысленно извинился перед простейшими организмами за столь нелестное сравнение.

Негромко вздохнул. Его голос, мягко и неторопливо звучащий в ночной прохладе, неожиданно выдал тщательно скрываемую нежность:

— Твой организм слишком тяжело это переносит. Без должного отдыха и хорошего питания тебе придется несладко, когда наступит пик созревания. Лучше посиди дома, восстанови силы. А я попрошу тётушку Лю присмотреть за тобой.

Тихая аллея под сенью платанов словно усилила эту интонацию. Даже непрошибаемый Цзянь Сунъи уловил, что в словах друга нет привычной издевки — только искреннее беспокойство.

Он и сам заговорил на удивление мягко, без привычных колкостей:

— Ерунда, меня просто в сон клонит. Какая разница, где спать — за партой или в кровати? Да и сегодня, когда они устроили этот балаган, я ведь быстро пришел в себя.

Бо Хуай промолчал о том, что облегчение наступило лишь потому, что он незаметно окутал его успокаивающими феромонами. Без этой поддержки Цзянь Сунъи сейчас едва ли смог бы держаться на ногах от разрывающей боли.

Вместо этого он лишь безучастно кивнул:

— Как знаешь.

Бо Хуай развернулся, чтобы войти в дом, но сзади раздался нерешительный оклик.

— Послушай... Я краем глаза видел те задачи по физике, что ты сегодня решал. Там вроде пара ошибок закралась. Хочешь, разберем вместе?

Цзянь Сунъи стоял под теплым кругом фонаря, небрежно перекинув лямку рюкзака через плечо. Он чувствовал себя жутко неловко от собственной сентиментальности, поэтому упрямо косился в сторону, из последних сил напуская на себя безразличный вид.

— А то завалишь экзамен, не попадешь в пятерку лучших и схлопочешь выговор. Мне потом перед дедушкой Бо стыдно будет.

Бо Хуай остановился у двери. Набирая код на кодовом замке, он прятал лицо в тени, но лунный свет мягко очертил его мимолетную, теплую улыбку.

— Идет. Там как раз была одна заковыристая задача на электромагнитную индукцию, никак не поддавалась.

Эта задача из прошлогоднего вступительного теста Университета Хуацин действительно была с двойным дном. Даже вечный серебряный призер их параллели, Ян Юэ, наверняка провозился бы с ней до утра.

Однако стоило Цзянь Сунъи набросать пару вспомогательных формул, как Бо Хуай тут же подхватил мысль и мгновенно расписал верное решение.

Цзянь Сунъи мысленно похвалил себя: педагогический талант у него определенно был в крови.

Войдя во вкус, он азартно выудил из задачника еще парочку аналогичных головоломок и категоричным тоном велел другу решать, пообещав лично все проверить.

Бо Хуай не стал спорить. Послушно взяв ручку, он принялся заново вычислять ответы в упражнениях, которые на самом деле щелкал сегодня как орехи. Тем временем новоиспеченный «учитель Цзянь», закинув ногу на ногу, вальяжно устроился рядом: он лениво листал ленту в телефоне, отправляя в рот сочную черешню, и всем своим видом демонстрировал абсолютное блаженство.

В комнате воцарилась редкая, почти забытая гармония. Никаких взаимных уколов и едких подначек.

Увы, идиллия продлилась ровно до тех пор, пока тишину не нарушил резкий сигнал уведомления. Чжоу Ло сбросил в беседу какую-то ссылку.

[Сенсация! Главный красавчик школы Наньвай теряет корону?! Трон безоговорочного лидера среди Альф готов занять новый фаворит! Что это — триумф ценителей прекрасного или абсолютная победа Омег? Встречаем овациями возвращение Бо Хуая!]

<http://bllate.org/book/20583/2119110>